

**Чистота и девственность как магическое условие святости в
древнеанглийском знахарстве**

Костылев Вячеслав Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: slav.costileow2013@yandex.ru

О лечебных практиках в раннесредневековой Англии до Нормандского завоевания нам известно благодаря ряду источников, среди которых наибольшее значение имеют «Bald's Leechbook» (X век) и «Lacnunga» (XI век). Последние содержат в себе весьма сильную специфически англосаксонскую компоненту, которая в том числе позволяет нам делать выводы о народной религиозности этого периода, а также осуществить попытку реконструкции дохристианских религиозных практик и представлений. Если говорить о жанровых характеристиках вышеназванных текстов, то те представляют собой лечебные книги, содержащие набор рецептов и предписаний в случае разного рода травм, болезней и иных телесных, а также в некоторых случаях душевных повреждений. Кроме того предписания сопровождаются рядом ритуальных текстов: молитв и заклинаний. В данном докладе в целях сужения области исследования я ограничусь анализом Лакнунги.

Сам по себе текст является крайне необычным примером межкультурной коммуникации в раннем Средневековье, который сочетает в себе христианские латинские молитвы, древнеанглийские поэтические заклинания и даже античные медицинские рецепты. Он демонстрирует синтез дохристианских представлений англосаксов, франко-римского и кельтского христианства, а также содержит в себе следы скандинавского и даже семитского влияния. Основной текст написан на древнеанглийском и латинском языках, однако в нем встречаются фрагменты и отдельные слова из древнегреческого, древнеирландского и даже древнееврейского или арабского языков.

Текст примечателен тем, что отражает не только биомедицинское, но и религиозно-магическое знание. Это разделение весьма условно, поскольку крайне маловероятно, что носители древнеанглийских лечебно-знахарских традиций их выделяли. Для них чтение заклинания или молитвы было столь же необходимым для лечения пациента, как и перевязывание раны. На эту неразрывность, описывая явления знахарства и лечебной магии, указывает и Сергей Александрович Токарев, который говорит, что в знахарских представлениях вряд ли существовала грань между рациональными и нерациональными практиками, поскольку их носителям важен был в первую очередь результат [2].

Несмотря на эту неразрывность мне бы хотелось рассмотреть именно те действия магического характера, которые описаны в вышеназванном тексте. Наиболее подробно мне бы хотелось остановиться на двух рецептах: святого напитка и святой мази [3]. В этих рецептах есть ряд общих элементов. Помимо ряда схожих ингредиентов (например, фенхель и луговик дернистый) оба рецепта предполагают совершение определенного ритуала, который включает в себя использование освященных жидкостей (вино и вода) и ряда богослужебных предметов (дискос и купель). Также ритуал предполагает чтение над снадобьем ряда молитв. Но самое важное сходство этих рецептов состоит в том, что оба их описания задействуют понятие *unþæġ*, означающего чистоту. Важная черта этого термина в том, что он, в отличие от древнеанглийского *slæp*, предусматривает не только физическую, но и ритуальную чистоту. Однако в первом рецепте этот термин применяется по отношению к исполнителю ритуала, то есть обозначает девственного юношу. Во втором же он

относится к самому снадобью. Поскольку это единственные рецепты в Лакнунге, которые называются святыми, можно предположить, что наличие качества чистоты является одним из магических условий их святости. Следует отметить, что понятие halig (в рус. святой) в Лакнунге не встречается в морально-нравственном контексте. Святость определенных объектов в древнеанглийском знахарстве обладает исключительно магическим характером, с их помощью возможно противостоять болезням и злым духам, их вызывающим. Например, рецепт святого напитка применяется против «воздействий эльфов и искушений врага».

Уместно отметить, что под магическим условием мы понимаем действие, совершаемое исполнителем ритуала или присущие ему качества, которые обеспечивают функционирование магического ритуала. При этом действие это совершается в силу традиции, в которой отсутствует память о его мифологическом объяснении. Бронислав Малиновский считал, что именно успешность магического обряда становится основанием для его вхождение в традицию, поскольку даже один успешный случай перевешивает в сознании людей все неудачи [1]. Результативные действия становятся практическими условиями ритуала. Со временем произошедшие события забываются или прорабатываются, порождая тем самым мифологическое объяснение действия, которое, таким образом, переходит в стадию мифологического условия ритуала. А забывание мифологического объяснения в свою очередь переводит ритуал в стадию магического условия.

Следует сказать и о том, что мы не можем с уверенностью говорить о наличии развитых представлений о ритуальной чистоте в древней Англии. Например, англосаксы, судя по всему, не понимали, что такое нечистая пища в Ветхом Завете, что хорошо иллюстрируется проповедями Эльфрика Грамматика [4]. Поэтому вполне вероятно, что мифологическое объяснение условия ритуальной чистоты в этих рецептах имеет иудео-христианские корни. Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой - как преобразуется условие при переходе из одной культуры в другую. Однако, ее решение, пожалуй, требует более обширного исследования.

Источники и литература

- 1) Малиновский Б. Магия, наука и религия / пер. с англ. А.П. Хомика. М., 2015.
- 2) Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.
- 3) Anglo-Saxon Remedies, Charms, and Prayers from British Library MS Harley 585. The Lacnunga. Volume I: Introduction, Text, Translation and Appendices / trans. and ed. by E. Pettit. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001.
- 4) Ælfric's Catholic Homilies: Introduction, Commentary, and Glossary / ed. by Godden M. Oxford, 2001.